
П. В. Денисов

**ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ
ЧУВАШСКОГО НАРОДА
ЗА ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ**

В дореволюционной историографии значительное место занимают работы по этнографии чувашского народа, однако труды даже таких видных исследователей, как В. К. Магницкий, Н. В. Никольский, Г. И. Комиссаров и др., носят лишь описательный характер. Ряд разделов этнографии чувашей оставался совершенно не изученным, а по многим проблемам начиналось только собирание материалов, но и то без соблюдения научной паспортизации.

Победа Великой Октябрьской социалистической революции создала небывало благоприятные условия для национального, культурного и политического развития чувашского народа. В ходе социалистического преобразования всех сфер жизни чувашский народ, естественно, стремился познать свое историческое прошлое, историю своей борьбы за национальное и политическое освобождение, историю своей материальной и духовной культуры. Важную роль в создании научно-объективной истории чувашского народа должна была сыграть этнография, предоставив в распоряжение исследователей конкретный материал, характеризующий основные стороны культуры и быта чувашей в прошлом. Однако на первом этапе своего развития советская этнографическая наука испытывала серьезные затруднения в разрешении первоочередных задач, выдвинутых в связи с хозяйственным и культурным строительством народов СССР. Среди научных работников, специализировавшихся в области этнографии народов Поволжья, отсутствовали марксистски образованные кадры. Местные научные общества и краеведческие музеи, призванные осуществлять этнографические исследования, нередко возглавлялись представителями буржуазно-националистических группировок. Деятельность такого крупного научного объединения, как Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете, в силу традиции по существу базировалась на методологии дореволюционной этнографической школы.

Советская этнографическая наука не игнорировала достижений дореволюционной этнографии, стремясь критически освоить ее наследие и привлечь к работе специалистов старшего поколения. Под влиянием революционных событий и развития марксистской историографии в среде историков-этнографов, прошедших школу буржуазной методологии, произошел раскол. Часть из них оказалась в стане контрреволюционных сил, а лучшие представители старой интеллигенции, такие, как Н. И. Ашмарин, Н. В. Никольский, Н. Ф. Катанов и другие крупные специалисты в области истории, этнографии и языка чувашского народа отдали все свои силы и знания народу, строительству социалистического общества.

Н. И. Ашмарин создал целый ряд работ, имеющих комплексный лингвистический и этнографический характер. Считая необходимым

широкое привлечение данных языка в историко-этнографических исследованиях, ученый писал, что «самым обильным источником, из которого мы можем почерпнуть понимание чувашского прошлого, является разговорный язык, который, передаваясь из поколения в поколение и подвергаясь непрерывным изменениям соответственно переменам как в жизни личности, так и в жизни всего народа, сохраняет в своем составе отрывки древней истории и обломки древних воззрений»¹. На основе комплексного изучения филологических и этнографических материалов им были созданы работы, заслужившие признание в мировой науке².

Велики заслуги Н. И. Ашмарина в собирании фольклорных произведений и материалов по этнографии чувашского народа. Его рукописный фонд, хранящийся в Научно-исследовательском институте при Совете Министров Чувашской АССР, содержит более 30 томов фольклорно-этнографических записей, собранных им лично, его многочисленными корреспондентами и учениками³.

Одним из наиболее активных организаторов историко-этнографического изучения чувашей был Н. В. Никольский. В 1919—1922 гг. он возглавлял этнографический факультет Северо-Восточного археологического и этнографического института, с 1922 по 1931 г. заведовал кафедрой чувашеведения Восточного педагогического института в Казани. Он принимал активное участие и в создании чувашского отдела Государственного музея Татарской АССР. Учитывая большую потребность в учебных пособиях по этнографии чувашей и музыкальному фольклору народов Поволжья, Н. В. Никольский в тяжелой обстановке гражданской войны работал над созданием «Конспекта по истории народностей Поволжья» (Казань, 1919), «Краткого конспекта по этнографии чуваш» (Казань, 1919), «Конспекта по истории народной музыки у народностей Поволжья» (Казань, 1920). Несмотря на некоторые ошибки методологического характера, эти труды содержали большой фактический материал⁴.

В 20-х годах, после образования Чувашской автономной области, когда усилился размах культурно-просветительной и политико-воспитательной работы, научно-краеведческие организации возникли и в самой Чувашии. В феврале 1921 г. в Чебоксарах был открыт Чувашский краеведческий музей и организовано Общество изучения Чувашского края, которые проводили активную работу по собиранию, хранению и изучению историко-археологических памятников, этнографических материалов. В создании этнографического отдела краеведческого музея — большая заслуга художника М. С. Спиридонова, этнографа А. П. Прокопьева-Милли, краеведов М. П. Петрова, К. В. Элле и др.

М. С. Спиридонов занимался главным образом изучением чувашского народного изобразительного искусства, собирал чувашские вышивки, создал серию картин, изображающих быт и различные хозяйственные занятия чувашских крестьян. В эти же годы он приступил к работе над этнографическим альбомом «Чувашский орнамент».

¹ Н. И. Ашмарин, Незаконченные рукописи, Научный архив Чувашского научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики (далее — Научный архив ЧНИИ), Инв. № 47, л. 197—198.

² Н. И. Ашмарин, Отголоски золотоордынской старины в народных верованиях чуваш, «Известия Северо-Восточного археологического и этнографического института в Казани», т. II, Казань, 1921; его же, Словарь чувашского языка, т. I—XVII, Казань — Чебоксары, 1928—1950; его же, Введение в курс чувашской народной словесности, Рукопись, Научный архив ЧНИИ, инв. № 1070.

³ Об этнографических исследованиях Н. И. Ашмарина более подробные сведения содержатся в нашей статье «Проблемы устного народного творчества и этнографии чувашского народа в произведениях Н. И. Ашмарина», «Уч. зап. ЧНИИ», вып. X, Чебоксары, 1954.

⁴ А. М. Леонтьева, К вопросу об исторических взглядах Н. В. Никольского, «Уч. зап. ЧНИИ», вып. XXXI, Чебоксары, 1966.

А. П. Прокопьев-Милли в 1922—1923 гг. по заданию Чувашского краеведческого музея вел собирательскую работу в селениях Цивильского и Чебоксарского уездов и приобрел для музея богатую коллекцию чувашской национальной одежды (около 400 предметов). В 1923 г. он был одним из организаторов чувашской этнографической экспозиции на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке в Москве.

В эти же годы сбором этнографических материалов среди чувашского населения активно занимался К. В. Элле. Помимо сбора и изучения предметов материальной культуры, его внимание было сосредоточено на изучении дохристианских религиозных верований чувашей и топонимики Чувашского края. Он собрал богатый топонимический материал, который, к сожалению, до конца научно не обработал.

Обществу изучения Чувашского края и Краеведческому музею удалось привлечь к своей деятельности широкий круг сельской интеллигенции, учащих⁵.

В целях активизации краеведческой работы и пропаганды историко-этнографических знаний Общество изучения Чувашского края проводило лекции и доклады, опубликовало серию научно-популярных брошюр по вопросам археологии, истории, этнографии и языка чувашского народа. В лекциях и популярных изданиях в период с 1920 по 1927 г. преобладала тематика о происхождении чувашского народа⁶. В большинстве публикаций проводилась теория болгарского происхождения чувашей, которая была выдвинута и научно обоснована в трудах русских ученых еще до Великой Октябрьской социалистической революции. Однако в целом ряде работ, изданных в 1920-х годах, допускалась идеализация эпохи государства Волжской Булгарии. В работах Д. П. Петрова (Юман), М. П. Петрова, Г. И. Комиссарова и других краеведов болгарский период изображался как «золотой век» в истории чувашского народа, игнорировались социально-классовые противоречия и наличие эксплуататоров в этом государстве.

О необходимости углубленного и планомерного этнографического изучения культуры чувашского народа говорилось на I Всечувашском краеведческом съезде в Чебоксарах в 1928 г. Однако как в докладе Н. В. Никольского «Этнография чуваш», так и в выступлениях на этнографической секции данного съезда преобладало влияние дореволюционной историографии и намечались лишь первые признаки обращения к марксистской теории. Работы, изданные в конце 1920-х годов, свидетельствовали о неумении чувашских этнографов применять марксистскую методологию в конкретном этнографическом исследовании⁷.

С 1925 г., после преобразования Чувашской автономной области в автономную республику, значительно расширяются научно-экспедиционные исследования на территории Чувашской АССР, устанавливаются тесные связи с Комиссией экспедиционных исследований Академии наук СССР и научно-исследовательскими учреждениями Москвы, Ленинграда, Казани и др.⁸

⁵ См. А. М. Милли, Этнографическая работа среди чуваш в годы революции, «Этнография», 1926, № 1—2.

⁶ Н. Ф. Катанов, Чувашские слова в болгарских и татарских памятниках, Казань, 1920; В. Ф. Смолин, К вопросу о происхождении народности камско-волжских болгар (Разбор главнейших теорий), Казань, 1921; его же, Чăвашсен тĕп аслашĕсем, Хусан, 1921; Г. И. Комиссаров, Чăваш халăхĕн историйĕ, Хусан, 1921; М. П. Петров, О происхождении чуваш, Чебоксары, 1925; его же, Чăваш историйĕ синчен кĕскен каласа кăтартни, Шупашкар, 1928; Н. Я. Марр, Чуваш-яфетиды на Волге, Чебоксары, 1926; Н. Н. Поппе, Чуваш и их соседи, Чебоксары, 1926.

⁷ Н. В. Никольский, Краткий курс этнографии чуваш, Чебоксары, 1929; его же, Народная медицина у чуваш, Чебоксары, 1929.

⁸ Более подробно об этом см.: П. Г. Григорьев, Научно-исследовательская работа в Чувашии за 30 лет, «Зап. ЧНИИ», вып. V, Чебоксары, 1950.

В эти годы в Чувашии широко развернули этнографическую работу Центральный музей народов СССР (Москва), Музей антропологии и этнографии Академии наук СССР (Ленинград), Академия истории материальной культуры (Ленинград), Яфетический институт (Ленинград). В составе этих комплексных экспедиций под руководством видных советских антропологов, археологов и этнографов Г. Ф. Дебеца, П. И. Ефименко, Т. С. Пассек, Б. М. Соколова, Б. А. Латынина и др. проходили научную стажировку чувашские аспиранты и студенты.

В течение 1925—1929 гг. сотрудниками этнографических учреждений были изучены центральные и северные районы Чувашии, в результате чего в музей поступили богатые коллекции. Благодаря совместной работе в этих экспедициях этнографов, археологов, языковедов и фольклористов стало возможным по-новому поставить ряд вопросов при изучении материальной и духовной культуры чувашского народа. Полевые материалы, собранные этими экспедициями, вошли в научный оборот, сыграли важную роль в становлении чувашской советской этнографии и помогли преодолеть идеалистические концепции в разработке основных тем по этнографии чувашского народа.

Значительную собирательную и исследовательскую работу среди чувашского населения за пределами Чувашской АССР проводили в 1920-х годах Государственный музей Татарской АССР и сотрудники Саратовского государственного университета под руководством Б. М. Соколова. Фонды этнографических коллекций Государственного музея Татарской АССР пополнялись в результате многолетних экспедиционных работ Н. И. Воробьева, М. Е. Евсеева, Н. В. Никольского, а также в связи с передачей экспонатов из закрытого в 1920 г. Музея народов Востока. В 1926 г. в музей поступили богатые коллекции по народам Поволжья из собраний Селькредитсоюза⁹.

Этнографические исследования Т. М. Акимовой, П. Д. Степанова, А. С. Говорова, посвященные чувашам Саратовской области, дали конкретный материал для характеристики особенностей материальной и духовной культуры этой группы чувашского населения, процессов изменения национальных форм культуры и быта в условиях социалистической перестройки деревни. Из научных публикаций саратовских этнографов следует особо отметить обстоятельные статьи Т. М. Акимовой, посвященные женской национальной одежде¹⁰.

В начале 30-х годов наметился существенный перелом в этнографическом изучении чувашского народа. Воплощая в жизнь решения Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) по вопросам исторической науки (1934 г.), учитывая выводы теоретических дискуссий, проведенных в 1930-х годах в центральных институтах по гуманитарным наукам и на страницах исторических и этнографических журналов, научные работники направляли свои усилия на подготовку новых кадров для ведения исследовательской работы в области истории и этнографии чувашского народа. В августе 1930 г. решением правительства Чувашской АССР был создан Чувашский научно-исследовательский институт.

В борьбе за творческое применение марксистско-ленинской теории в изучении истории и этнографии чувашского народа большую положительную роль сыграли большевистская научная критика буржуазно-националистических концепций на страницах центральной и республиканской печати и организация творческих дискуссий в Чувашском

⁹ См. Т. А. Крюкова, Указатель этнографических коллекций народов Поволжья, Казань, 1958.

¹⁰ Т. М. Акимова, Эволюция женского костюма у саратовских чуваш, Саратов, 1928; ее же, Женские головные уборы саратовских чуваш, «Труды Нижне-Волжского краевого музея», вып. 1, Саратов, 1929, стр. 45—56; ее же, Чувашские вышивки, сб. «Искусство народов СССР», М., 1930.

научно-исследовательском институте¹¹. Борьбе против буржуазно-националистической историографии много внимания уделял историк И. Д. Кузнецов, выступивший с критическим разбором ряда работ по чувашской этнографии¹².

В 30-х годах ученые С. С. Кутяшов, Н. Я. Золотов, К. В. Элле приступили к изучению верований чувашского народа¹³. Однако их работы были посвящены лишь дохристианским религиозным верованиям чувашей.

Весьма ценным пособием для пропагандистов атеизма явилась этнография одного из видных специалистов в области атеизма — Н. М. Маторина¹⁴. В работе содержится обобщенный материал об основных религиозных течениях в Поволжье. В 1933—1934 гг. ученый предпринял этнографические поездки в национальные районы Поволжья с целью сбора полевых и архивных материалов по верованиям народов Волго-Камского края и предварительные итоги своего исследования опубликовал в печати¹⁵.

Значительный вклад в изучение дохристианских форм религиозных верований чувашей внесли в эти годы советские этнографы Т. С. Пассек и Б. А. Латынин. Используя полевые этнографические материалы, собранные ими в 1920-х годах в Чувашии, и критически подходу к доминирующим литературным источникам, они создали ряд научных исследований¹⁶.

Свидетельством дальнейшего роста чувашской советской этнографии явилась экспедиция по изучению социально-культурного и бытового состояния чувашских деревень, организованная Чувашским научно-исследовательским институтом в соответствии с решениями директивных органов республики от 14 ноября 1933 г. Члены экспедиции провели конкретно-социологические исследования в 21 деревне (из них 18 чувашских, 1 русская, 1 татарская и 1 мордовская) с 4885 хозяйствами и общим числом населения 23032 человек. Предварительные итоги этой экспедиции подробно освещались в республиканской печати, а в более обобщенном виде были представлены в работах И. Д. Кузнецова и С. С. Кутяшова¹⁷. В широком масштабе возобновились исследования этнографов после Великой Отечественной войны. С 1949 г. развернула свою работу совместная экспедиция Чувашского научно-исследовательского института, Чувашского краеведческого музея и Казанского филиала Академии наук СССР. Эта экспедиция под руководством Н. И. Воробьева детально изучила все основные этнографические группы и подгруппы

¹¹ С. С. Кутяшов, Против национализма в чувашской этнографии, «Сов. этнография», 1931, № 1—2.

¹² См. работы И. Д. Кузнецова в сб. «Очерки по истории и историографии Чувашии», Чебоксары, 1960.

¹³ С. С. Кутяшов, Против национал-демократического уклона в анализе религии чуваш, «Сов. этнография», 1931, № 3—4; его же, Тёттёмлехе хирёс, тёнсёр сёне пурнашшан (Против темноты, за новую жизнь без религии), Шупашкар, 1930; Н. Золотов, Тёне хирёс, кёрешессине вайлатар (Усилить антирелигиозную работу), Шупашкар, 1931; К. В. Элле, Акатуй, Чебоксары, 1935.

¹⁴ Н. М. Маторин, Религия у народов Волжско-Камского края, М., 1929.

¹⁵ Н. М. Маторин, Две поездки в Поволжье, «Сов. этнография», 1934, № 4; его же, Развернем по-большевистски работу по Чувашии, газ. «Красная Чувашия», 10 сентября 1933 г.

¹⁶ Т. С. Пассек, Б. А. Латынин, Заметки по Поволжью, «Яфетический сборник», VI, Л., 1930; их же, Анализ чувашского мифа о происхождении керемети, там же; Т. С. Пассек, Круг чувашских праздников, «Сборник АН СССР, посвященный акад. Н. Я. Марру», М.—Л., 1935; Б. А. Латынин, Мировое дерево — древо жизни в орнаменте и фольклоре Восточной Европы, «Изв. ГАИМК», вып. 69, Л., 1933.

¹⁷ См. И. Д. Кузнецов, Колхозниксен культуралăх хăпарать. Колхозниксен килсүртёни культуралăх сине (Чувашская деревня на путях культурного подъема), Шупашкар, 1934; С. С. Кутяшов, И. Кузнецов, Чувашская колхозная деревня на путях культурного подъема. Очерки по материалам экспедиции 1933 г., Чебоксары, 1934; С. С. Кутяшов, Экспедиция по изучению социально-культурного состояния Чувашии «Сов. этнография», 1934, № 4, стр. 113—115.

чувашского народа, сосредоточив основное внимание на вопросах современного быта и культуры чувашского колхозного крестьянства. Научно обработанные материалы экспедиции легли в основу монографии «Чуваши»¹⁸, а также были использованы в ряде научных статей участников экспедиции¹⁹. В 1970 г. авторский коллектив, успешно завершил работу над второй частью этой монографии, в которой подведены итоги этнографического исследования общественного и семейного быта, духовной культуры, устно-поэтического творчества и изобразительного искусства чувашского народа.

К 50-м годам был накоплен большой материал по археологии, антропологии, этнографии и лингвистике чувашей Поволжья, что позволило провести в январе 1950 г. в Москве научную сессию Отделения истории и философии Академии наук СССР и Чувашского научно-исследовательского института, посвященную вопросам этногенеза чувашей²⁰. Но в выводах ряда ученых были допущены ошибки. Многие докладчики без достаточных оснований старались доказать теорию автохтонного происхождения чувашей и отрицали роль булгарских племен в формировании чувашской народности. В связи с этим Чувашский НИИ в мае 1956 г. провел новую научную сессию, участники которой, опираясь на исследования последних лет, доказали несостоятельность теории автохтонного происхождения чувашей и подчеркнули определяющую роль тюркоязычных булгар в складывании чувашской народности²¹.

В 50-х годах уделялось значительное внимание и вопросам критического использования дореволюционного культурного наследия чувашского народа. Помимо издания ряда популярных брошюр и статей о дореволюционных исследователях истории и культуры чувашского народа, Чувашский научно-исследовательский институт провел в апреле 1956 г. научную сессию на тему «Культура и культурное наследство чувашского народа второй половины XIX и начала XX в.»²².

Новый этап развития этнографических исследований в Советской Чувашии протекает в условиях строительства коммунизма в нашей стране. За последнее десятилетие умножились полевые экспедиции и конкретно-социологические исследования, создан ряд работ комплексного, историко-этнографического характера, усилились связи с центральными этнографическими учреждениями Москвы и Ленинграда.

Особенно ценные материалы были собраны экспедицией Чувашского научно-исследовательского института в мае 1960 г. Основной задачей экспедиции являлось повторное обследование быта и культуры чувашских деревень, изученных экспедицией 1933 г. В разных районах Чувашской АССР был обследован 21 населенный пункт с населением около 20 тыс. человек. Полученные данные позволяют детально characterize

¹⁸ Н. И. Воробьев, А. Н. Львова, Н. Р. Романов, А. Р. Симонова, Чуваши. Этнографические исследования, ч. I, Материальная культура, Чебоксары, 1956 (см. рецензии на это издание: В. Н. Белицер в журн. «Сов. этнография», 1957, № 6; И. Д. Кузнецова в журн. «Уч. зап. ЧНИИ», вып. XVI, Чебоксары, 1958).

¹⁹ Н. И. Воробьев, Этнографические исследования в Чувашской АССР, «Сов. этнография», 1950, № 2, стр. 205—208; его же, Краткие итоги изучения материальной культуры чуваш, «Сов. этнография», 1952; № 4; его же, К истории сельского жилища у народов Среднего Поволжья, «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», 1956, вып. XXV; его же, Резьба по дереву у чувашей, «Сов. этнография», 1956, № 4; его же, Украшения и внутреннее убранство жилища народов Среднего Поволжья, «Изв. Казанского филиала АН СССР», вып. 2, серия гуманитарных наук, Казань, 1957; его же, Национальные традиции в прикладном искусстве народов Среднего Поволжья, «Художественная самодеятельность», 1960, № 6; П. В. Денисов, Национальная одежда низовых чуваш южных районов Чувашской АССР, «Уч. зап. ЧНИИ», вып. XI, Чебоксары, 1955.

²⁰ Материалы научной сессии опубликованы в журнале «Сов. этнография», 1950, № 3.

²¹ См. сб.: «О происхождении чувашского народа», Чебоксары, 1957.

²² См. сб.: «О дореволюционной культуре чувашского народа» «Уч. зап. ЧНИИ», вып. XV, Чебоксары, 1957.

вать многие стороны материальной и духовной культуры. Экспедиционные материалы 1933 и 1960 гг. научно обработаны и широко используются в историко-этнографических исследованиях и публикациях²³.

В июле 1970 г. кафедра истории СССР Чувашского государственного университета и Научно-исследовательский институт при Совете Министров Чувашской АССР организовали в районах, изученных в время двух предыдущих экспедиций, подворное обследование по обновленной программе и приступили к обобщению материалов всех трех экспедиций. В ходе экспедиции 1970 г. были собраны коллекции для учебного музея по этнографии народов Поволжья, организованной при Чувашском государственном университете.

С 1961 г. Научно-исследовательский институт при Совете Министров Чувашской АССР приступил к этнографическому изучению материальной и духовной культуры чувашского населения Татарской и Башкирской АССР, Куйбышевской, Ульяновской и Оренбургской областей, что весьма важно для выяснения вопросов этнической истории чувашского народа²⁴. Значительный фактический материал, характеризующий современный быт и культуру сельского чувашского населения, собран во время экспедиции 1963—1969 гг.²⁵ Этнографические материалы по чувашской народной архитектуре широко представлены в работе Г. Н. Павлова²⁶.

Значительные сдвиги произошли в области сравнительного изучения материальной и духовной культуры тюркских и финно-угорских народов Поволжья. Историки и этнографы при разработке проблем этнографии народов Поволжья стали уделять серьезное внимание изучению процессов культурного взаимодействия этих народов и формирования общерегиональных черт хозяйства, культуры и быта²⁷.

С 1967 г. в соответствии с научным планом Комитета по социологическим проблемам села Социологической ассоциации СССР в Поволжье начались конкретно-социологические исследования современных социально-этнических процессов. В работе комплексной экспедиции, организованной Институтом этнографии АН СССР и Московским государственным университетом, принимали участие и научные организации республик Поволжья. О предварительных итогах этих этносоциологических исследований рассказали в своих сообщениях сотрудники Института этнографии АН СССР на зональной научной сессии Отделения истории АН СССР и Научно-исследовательского института при Совете Министров Чувашской АССР²⁸.

Проблемы этнокультурного взаимодействия народов Поволжья тесно связаны с вопросами этногенеза. Результаты исследований, посвя-

²³ См. И. Д. Кузнецов, Итоги экспедиции по изучению быта и культуры сельского населения Чувашии 1960 г., Чебоксары, 1960; Т. С. Сергеев, Культурное строительство и формирование социалистического быта в чувашской деревне в годы предвоенных пятилеток (1928—1941 гг.), Автореф. канд. дис., М., 1965; его же, Старые и Новые Ходары, Чебоксары, 1965.

²⁴ См. М. В. Румянцев, Современная материальная и духовная культура чувашского населения Татарской АССР, Куйбышевской и Ульяновской областей, «Научная сессия, посвященная итогам исследовательских работ института за 1961 г.», Чебоксары, 1961; Л. А. Иванов, Поселения и жилища чувашского населения Прикамского Заволжья и Южного Урала, «Уч. зап. ЧНИИ», вып. XXIX, Чебоксары, 1965; его же, Национальная одежда и украшения прикамских и южноуральских чувашей, «Уч. зап. ЧНИИ», вып. XXXI, Чебоксары, 1966.

²⁵ Л. А. Иванов, Современный быт и культура сельского чувашского населения, Автореф. канд. дис., М., 1970.

²⁶ Г. Н. Павлов, Чувашская народная архитектура (Эволюция, особенности и связь с русской народной архитектурой), Автореф. канд. дис., М., 1963.

²⁷ См., напр., «Вопросы этнической истории мордовского народа», «Тр. Мордовской этнографической экспедиции», вып. I, М., 1960; «Исследования по материальной культуре мордовского народа», «Тр. Мордовской этнографической экспедиции», вып. II, М., 1963 и др.

²⁸ См. В. С. Кондратьев, Научная сессия «Торжество ленинской национальной политики», «Сов. этнография», 1970, № 6.

важнейшим вопросам этногенеза, были обсуждены на специальных научных сессиях и изложены в многочисленных публикациях²⁹.

Ценные материалы, связанные с этой проблемой, содержатся также в трудах языковедов и фольклористов. Из таких работ прежде всего должна быть названа монография М. Р. Федотова об исторических связях чувашского языка с волжскими и пермскими финно-угорскими языками³⁰. Для более детального изучения истории формирования основных этнографических групп чувашского народа и их этнокультурных контактов с соседними народами немаловажное значение имеют диалектологические исследования чувашского языка³¹.

В последние годы в Советской Чувашии заметно усилился интерес исследователей к малоработанным проблемам этнической демографии. Из числа этнодемографических работ следует отметить обстоятельные исследования П. А. Сидорова, посвященные определению численности, национального состава и динамики населения Чувашии конца XVIII — первой половины XIX в.³² Интересные сведения о населении Чувашской АССР (по данным Всесоюзных переписей 1926, 1939, 1959 гг.) содержатся в популярной работе этого же автора³³. В работах К. К. Сидорова подробно анализируются социально-экономические и социально-культурные факторы, влияющие на процессы естественного воспроизводства населения³⁴.

Сложные этнодемографические вопросы обсуждались на Всесоюзном симпозиуме «Порайонные особенности воспроизводства населения», состоявшемся в мае 1968 г. в Чебоксарах³⁵.

Чувашскими историками и этнографами успешно разрабатываются вопросы религии и атеизма. Работы автора настоящей статьи посвящены происхождению и эволюции религии чувашей с древнейших времен до начала XX в. На основе историко-этнографического материала он показывает, как менялись формы религии с развитием человеческого общества, анализирует данные о распространении атеизма среди чувашского крестьянства в процессе революционной борьбы против самодержавия³⁶.

²⁹ См., напр., «Этногенез мордовского народа», «Материалы научной сессии, 8—10 декабря 1964 г.», Саранск, 1965; «Происхождение марийского народа», «Материалы научной сессии, проведенной Марийским научно-исследовательским институтом языка, литературы и истории (23—25 декабря 1965 г.)», Йошкар-Ола, 1967.

³⁰ М. Р. Федотов, Исторические связи чувашского языка с языками угро-финнов Полюжья и Перми, ч. I, Чувашско-марийские связи, Чебоксары, 1965; ч. II, Исторические связи чувашского языка с волжскими и пермскими финно-угорскими языками, Чебоксары, 1968.

³¹ См.: «Материалы по чувашской диалектологии», вып. I, Чебоксары, 1960; вып. II, Чебоксары, 1963; вып. III, Чебоксары, 1969; Л. П. Сергеев, Диалектологический словарь чувашского языка, Чебоксары, 1968; его же, Чăваш чĕлхин вырăнти калăшĕсем (Местные говоры чувашского языка) (на чувашском языке), Чебоксары, 1969.

³² П. А. Сидоров, Численность, состав и динамика населения Чувашии в конце XVIII — первой половине XIX в., «Уч. зап. ЧНИИ», вып. XXI, Чебоксары, 1962; его же, Численность, состав и динамика населения Чувашии в капиталистический период», «Уч. зап. ЧНИИ», вып. XXIII, Чебоксары, 1963.

³³ П. А. Сидоров, Население Чувашии за сорок лет социалистической автономии, Чебоксары, 1960.

³⁴ К. К. Сидоров, Увеличение средней продолжительности жизни населения в Чувашии, «Уч. зап. ЧНИИ», вып. XXIX, Чебоксары, 1965; его же, Воспроизводство населения Чувашии и его санитарная оценка, Автореф. канд. дис., М., 1967; его же, Динамика возрастного-полового состава населения Чувашской АССР и задачи органов здравоохранения, «Уч. зап. ЧНИИ», вып. XL, Чебоксары, 1968; его же, Здоровье населения Чувашии, Чебоксары, 1969, и др.

³⁵ См.: «Всесоюзный симпозиум „Порайонные особенности воспроизводства населения“», «Уч. зап. ЧНИИ», вып. XL, Чебоксары, 1968, стр. 329—332.

³⁶ П. В. Денисов, Религиозные верования чуваш, Чебоксары, 1959; его же, Тĕн пуçланса кайни (Происхождение религии), Шупашкар, 1962, его же, Тĕн тĕшмĕшĕ тата уяни сине (Религиозные суеверия и их вред), Шупашкар, 1955; его же, Антицерикальные выступления чувашского крестьянства и православная церковь накануне Великой Октябрьской социалистической революции, «Вопр. истории и историографии чувашского народа», Чебоксары, 1970.

В книгах Г. Е. Кудряшова разрабатываются вопросы преодоления пережитков дохристианских религиозных верований чувашей, выясняются причины существования этих пережитков, обобщается опыт научно-атеистического воспитания трудящихся Советской Чувашии³⁷.

Тема религии и атеизма в произведениях устного народного творчества рассматривается в исследованиях И. И. Одюкова³⁸ и А. И. Петрухи³⁹. С 1965 г. все исследования по проблемам научного атеизма координируются Опорным пунктом Института научного атеизма общественных наук при ЦК КПСС. Теоретическая разработка вопросов научного атеизма стала все более базироваться на материалах конкретно-социологических исследований, проводимых Опорным пунктом в районах республики. Итоги этих исследований будут обобщены в коллективном труде, а часть материалов уже опубликована в предварительных отчетах⁴⁰.

Следует особо отметить, что в Советской Чувашии за последнее десятилетие издан ряд монографий, посвященных различным проблемам чувашской этнографии. В работе автора данной статьи впервые сделана попытка исследовать в сравнительном плане материальную и духовную культуру, общественный и семейный быт дунайских болгар и чувашей в труде В. Ф. Каховского освещены основные этапы этногенеза чувашского народа⁴¹. Вопросы национальной одежды и изобразительного искусства чувашского народа весьма подробно разработаны в книге Н. И. Гаген-Торн, Г. А. Никитина и Т. А. Крюковой⁴².

Взаимосвязям этнопедагогики чувашского народа с педагогической культурой других народов посвящены работы Г. Н. Волкова. Эта тема разработана в его докторской диссертации «Этнопедагогика чувашского народа»⁴³. Большой интерес для этнографов представляют и писанные М. Я. Сироткиным, В. Я. Канюковым и Н. Р. Романовыми книги по чувашскому фольклору⁴⁴, в которых развитие традиционных жанровых форм устно-поэтического творчества прослеживается в тесной связи с жизнью и бытом чувашского народа. Материальной культу-

³⁷ Г. Е. Кудряшов, *Пережитки религиозных верований и их преодоление*, Чебоксары, 1961; его же, *Атеизм и молодежь*, Чебоксары, 1968.

³⁸ И. И. Одюков, *Халăх сăмахлăхĕ тĕне хирĕс* (Устное народное творчество против религии), Шупашкар, 1961; его же, *Чувашские народные песни социального протеста и революционной борьбы*, Чебоксары, 1965.

³⁹ А. И. Петрухин, *Материализм и атеизм в устном творчестве чувашей*, Чебоксары, 1959; его же, *Отражение мировоззрения народных масс в их устно-поэтическом творчестве* (на фольклорном материале народов Поволжья), Автореф. докт. дис., Казань, 1966.

⁴⁰ Г. Н. Плечов, *Некоторые итоги изучения уровня атеизма жителей чувашского села*, «Уч. зап. ЧНИИ», вып. XXXVI, Чебоксары, 1967; Г. Е. Кудряшов, *Социологические исследования и задачи атеистов*, «Блокнот агитатора» (изд. Чувашского обкома КПСС), 1968, № 1; П. П. Павлов, *К вопросу о влиянии религиозной среды на мировоззрение школьника*, «Уч. зап. ЧНИИ», вып. XL, Чебоксары, 1968.

⁴¹ П. В. Денисов, *Этнокультурные параллели дунайских болгар и чувашей*, Чебоксары, 1969; В. Ф. Каховский, *Происхождение чувашского народа. Основные этапы этнической истории*, Чебоксары, его же, *Волжская Болгария и формирование чувашской народности*, «Древности Восточной Европы», М., 1969.

⁴² Н. Гаген-Торн, *Женская одежда народов Поволжья* (Материалы к этнографии), Чебоксары, 1960; Г. А. Никитин, Т. А. Крюкова, *Чувашское народное изобразительное искусство*, Чебоксары, 1960.

⁴³ Г. Н. Волков, *Чувашская народная педагогика*, Чебоксары, 1958; его же, *О традициях чувашского народа в эстетическом воспитании*, Чебоксары, 1965; его же, *Этнопедагогика чувашского народа* (В связи с проблемой общности народных педагогических культур), Чебоксары, 1966; его же, *Трудовые традиции чувашского народа*, *Этнопедагогический очерк*, Чебоксары, 1970.

⁴⁴ М. Я. Сироткин, *Чувашский фольклор. Очерк устно-поэтического народного творчества*, Чебоксары, 1965; В. Я. Канюков, *Чувашский детский фольклор* (на чувашском языке), Чебоксары, 1964; «Чувашские пословицы, поговорки и загадки», составитель Н. Р. Романов, Чебоксары, 1960.

русского сельского населения на территории Чувашской АССР посвящена работа Е. П. Бусыгина и Н. В. Зорина⁴⁵.

За истекшие годы подробные статьи и очерки по этнографии чувашского народа опубликованы в сводных трудах и учебниках для вузов. Значительное внимание уделяется этнографическим вопросам и в «Истории Чувашской АССР»⁴⁶. Высокой оценки заслуживает монография В. Д. Дмитриева, в которой рассматриваются вопросы быта и культуры чувашского крестьянства периода феодализма⁴⁷. На основе скрупулезного анализа документальных источников этим же автором написаны статьи, посвященные таким малоразработанным темам чувашской этнографии, как происхождение сложных общин в Чувашии, расселение чувашей после присоединения их к России на новых территориях, влияние русской материальной и духовной культуры на чувашскую⁴⁸.

На большом фактическом материале показаны быт и культура чувашского крестьянства периода капитализма в докторской диссертации И. Д. Кузнецова⁴⁹.

Таким образом, чувашские этнографы заняты изучением важнейших процессов, происходящих в материальной и духовной культуре чувашского народа. Активизировались и исследования в области религии и этнизма. Необходимо приступить к созданию историко-этнографических атласов, крайне важных для решения вопросов этногенеза и истории культуры чувашского народа. Наконец, пришло время начать работу над историографией чувашской этнографии.

THE ETHNOGRAPHIC STUDY OF THE CHUVASHES DURING THE SOVIET PERIOD

The multifarious activities of Chuvash ethnographers in the Soviet period is described in the article. The author shows his readers the major problems of ethnographic research dealt with by Chuvash scientists and their plans for future work.

⁴⁵ Е. П. Бусыгин, Н. В. Зорин, Русское население Чувашской АССР. Материальная культура, Чебоксары, 1960; см. также Е. П. Бусыгин, Русское население Среднего Поволжья, Казань, 1966.

⁴⁶ См., напр., Н. И. Воробьев, Чуваши, «Народы Европейской части СССР», т. II, М., 1964; В. Н. Белицер, П. В. Денисов, Чуваши, «Очерки общей этнографии. Европейская часть СССР», М., 1968; С. А. Токарев, Этнография народов СССР. Исторические основы быта и культуры, М., 1958 (о чувашах стр. 162—170); К. И. Козлова, Этнография народов Поволжья. Учебное пособие, М., 1964; «Основы этнографии», под ред. С. А. Токарева, М., 1968, стр. 271—278; «История Чувашской АССР», т. I, Чебоксары, 1966; т. II, Чебоксары, 1967.

⁴⁷ В. Д. Дмитриев, История Чувашии XVIII в., Чебоксары, 1959.

⁴⁸ В. Д. Дмитриев, К вопросу о сложных общинах в Чувашии, «Уч. зап. ЧНИИ», вып. XXIII, Чебоксары, 1963; его же, К вопросу о заселении юго-восточной и южной частей Чувашии, «Уч. зап. ЧНИИ», вып. XIV, Чебоксары, 1956; его же, Общениа чувашей с русскими и влияние русской культуры на чувашскую в конце XIX — начале XX в., «Уч. зап. ЧНИИ», вып. XL, Чебоксары, 1968.

⁴⁹ И. Д. Кузнецов, Крестьянство Чувашии в период капитализма, «Уч. зап. ЧНИИ», вып. XXIV, Чебоксары, 1963.